

Серия «История»
2022. Т. 41. С. 31–40
Онлайн-доступ к журналу:
<http://izvestiahist.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

Научная статья

УДК 94(322)
<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2022.41.31>

Религиозная политика на восточных окраинах Российской империи: общественно-политический дискурс второй половины XIX – начала XX в.

М. А. Балин*

Омский государственный педагогический университет, г. Омск, Россия

Аннотация. Рассматривается содержание общественного дискурса второй половины XIX – начала XX в. в части представлений различных слоев российского социума о религиозной политике на восточных окраинах Российской империи. Раскрывается понимание национал-консерваторами и либералами роли государства и церкви в империостроительстве.

Ключевые слова: восточные окраины, общественно-политический дискурс, религиозная политика, национал-консерваторы, либералы.

Для цитирования: Балин М. А. Религиозная политика на восточных окраинах Российской империи: общественно-политический дискурс второй половины XIX – начала XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2022. Т. 41. С. 31–40. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2022.41.31>

Original article

Religious Policy in the Eastern Regions of the Russian Empire: Public and Political Discourse of the Second Half of the 19th – Early 20th Century

M. A. Balin*

Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation

Abstract. The article reveals the content of public discourse in the second half of the 19th – early 20th centuries. in terms of the ideas of various layers of the Russian society about religious policy in the eastern outskirts of the Russian Empire. The positions of national-conservatives and liberals on the role of the state and the church in empire-building are revealed.

Keywords: eastern outskirts, socio-political discourse, religious policy, national conservatives, liberals.

For citation: Balin M.A. Religious Policy in the Eastern Regions of the Russian Empire: Public and Political Discourse of the Second Half of the 19th – Early 20th Century. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2022, vol. 41, pp. 31-40. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2022.41.31> (in Russian)

Тема имперской колонизации окраин Российской империи стабильно является предметом оживленных дискуссий в отечественной и зарубежной исторической науке, охватывая проблемную сферу этноконфессиональной гете-

© Балин М. А., 2022

*Полные сведения об авторе см. на последней странице статьи.
For complete information about the author, see the last page of the article.

рогенности колонизируемых территорий, инкорпорируемых в общегосударственное пространство. В данной связи политическая регламентация и практики управления в религиозной сфере являются сегментом отечественной историографической традиции, в границах которой осваиваются вопросы конфессионального законодательства Российской империи [5]; религиозной политики в периферийных регионах в отношении различных конфессий и религиозных сообществ [3; 6; 7]; практик русификации иноэтничных и иноконфессиональных групп [2]

Неотъемлемой частью современных империологических исследований стал концепт «внутренняя колонизация», определяемый в историографии в качестве регулярных практик колониального управления и знания внутривнутриполитических границ государства. В семантических границах данного конструкта позиционируется особый тип отношений между государством и подданными, в котором последние воспринимаются в качестве субалтернов (подчиненных и покоренных), а территория их дислокации – захваченной и загадочной, требующей культуртрегерских усилий со стороны одного центра – империи [15; 16].

Источниковой базой статьи выступают материалы периодической печати и отдельные публикации современников событий (статьи, заметки, монографии), репрезентирующие содержание общественно-политического дискурса религиозной политики Российской империи на ее восточных окраинах. В исследуемый период значительную активность проявляли представители национал-консервативного (М. Н. Катков, Ф. М. Уманец) и либерального (Н. М. Ядринцев) направлений общественной мысли, запечатлевших в своих текстах, публикуемых на страницах таких изданий, как «Русский вестник», «Восточное обозрение», «Омские епархиальные ведомости», либо в виде отдельных изданий, реакцию на подходы и решения властью религиозного вопроса в обстоятельствах колонизации.

В методологическом плане фундаментом настоящего исследования являются подходы, апробированные в рамках направления «новая имперская история», ориентирующие не столько на описание традиционных политических структур империи, сколько на осмысление дискурсов, формирующих «имперскую ситуацию».

По констатации Р. Вульпиус, одним из знаковых элементов организации имперского пространства в России XVIII – начала XX в. и формирования имперской идентичности, в основаниях которой лежало чувство превосходства колонизаторов над колонизируемыми, становится религиозная политика, специфика которой складывалась как следствие долгой и продолжительной территориальной экспансии России [1, с. 21]. Результатом этой экспансии явилось раздвижение границ империи на юге и на востоке, продвижение Российского государства к побережью Тихого океана, включение в общеимперский конструкт территорий Западной и Восточной Сибири, Степного края.

Расширение географических параметров империи, последующая консолидация территорий и их «оцентрирование» объективно требовали конструирования таких идеологических обоснований и конвенций, в центре которых помещался бы тезис об особой цивилизаторской миссии России в отношении покоренных.

Необходимо отметить, что духовным основанием религиозного строя России являлось доминирующее влияние православия и Русской православной церкви (РПЦ), реализуемое в имперских практиках опеки и патернализма. При этом Российская империя в XIX в. уже достаточно уверенно осознавала себя частью европейского мира, что сопровождалось убеждением в абсолютной правильности культуртрегерских акций в отношении «диких и нецивилизованных» народов, живущих в ареале российского пограничья.

Западная Сибирь и Степной край, последовательно выступавшие объектом колониционного «присвоения» Российской империи, определялись российскими интеллектуалами второй половины XIX столетия как «собственный восток России» [11]. Эти территории требовали тщательной экспертизы, целью которой в конечном итоге являлось создание условий для аккультурации автохтонного населения, и в этой программе религиозной унификации придавалось особое значение.

Представления о «собственном востоке», ставшие фундаментом религиозной политики в отношении подданных окраин, конструировались в общественно-политическом дискурсе второй половины XIX – начала XX в., репрезентировались на страницах изданий национал-консервативного и либерального толка и, с определенными коррективами, приобретали абрис государственной политики.

Один из представителей национал-консервативных сил России, скрывшийся под псевдонимом В. Н., на страницах журнала «Русский вестник» предельно лаконично обозначил общую позицию консервативного лагеря по основным вопросам окраинной политики: «...Мы не должны обольщать себя легкомысленными надеждами, что водворение русской администрации... может вывести... на широкий путь национального развития... без содействия других, более органических сил... Здесь разумеются, во-первых, интересы православной церкви, ее предания, и связанные с ними нравственные силы и влияние духовенства... Далее – распространение и упрочение в народе русского языка, как орудия образования и общественного развития»¹.

Признанный лидер российских консерваторов, издатель и общественно-политический деятель М. Н. Катков, определяя соотношение религиозной и национальной идентичности, высказал мысль, кажущуюся, на первый взгляд, парадоксальной: «Национальная Церковь в России есть Церковь Православная, и никакая иная не может быть русским национальным учреждением. Но из этого отнюдь не следует, чтобы люди, исповедующие веру, не признаваемую в качестве русской национальной, не могли быть русскими. Национальность в христианском мире есть дело светское и определяется не религией, а государством» [4, с. 414]. Между тем М. Н. Катков подтвердил сформулированный еще в программах российских просветителей XVIII в. тезис, сообразно с которым мотив консолидации русской нации на базе культурно-языковых и политических оснований является своеобразным вариантом переформатирования старого понятия «народность», ключевым политическим символом империи.

¹ В. Н. Интересы русской народности в Западном крае // Русский вестник. 1863. Т. 47. Сентябрь. С. 431–432

Тирада М. Н. Каткова подводила черту под политикой «территориальной христианизации», основными признаками которой в XVIII столетии являлись религиозная нетерпимость, доминирование насильственных мер обращения в православие нехристианского населения империи, и выдвигала новые ориентиры – толерантное отношение к выбору веры при условии сохранения привилегий православной церкви и русской нации как титульной в полиэтничном и поликонфессиональном пространстве империи. М. Н. Катков писал: «В чем же может состоять у нас расширение религиозной свободы, и с какой стороны могут быть заявлены подобные желания? Как католическая, так и другие признанные христианские Церкви пользуются у нас всеми правами и льготами, каких только могут они разумно желать. Вопрос о религиозной свободе совести отнюдь не должен быть поставлен как вопрос расширения прав той или другой иноверческой секты, но как вопрос, касающийся льгот, принадлежащих русским людям» [4, с. 447].

Подобные рассуждения соответствовали антифедеративному концепту государственного устройства России, репрезентируемому в дискурсе национал-консерватизма. В частности, М. Н. Катков писал: «Негодую и жалуясь на злоупотребления и излишества централизации, попробуйте коснуться самого начала, уничтожьте централизацию не в ее злоупотреблениях, а в самом ее корне, – вы убьете целую национальность, вы разрушите труд веков, подорвете основу дальнейшего развития, но зла не уничтожите» [Там же, с. 110].

Симптоматично, что в обстоятельствах «внутренней колонизации» и продвижения русской оседлости в направлении территорий Западной Сибири и Степного края в дискурсе консервативных сил российского общества мотив первенства православия подчеркивался особенно отчетливо. Так, в учредительном номере издания «Омские епархиальные ведомости» за 1898 г., в редакционной статье священника Климента Скальского, отмечалось просветительское значение деятельности РПЦ как для коренного населения Степного края, так и для русских переселенцев: «Прежнее отверженное и почти забытое малое стадо Христово, затерянное в массе туземцев-магометан освежается, как пришельцами, так и новокрещенцами; церкви Божии, этот неоцененный дар небес, растут, множатся и благоухают среди векового невежества...»².

Одним из важных элементов дискурса решения национального и конфессионального вопроса во второй половине XIX столетия становится проблема аккультурационных практик в отношении инородческого населения, к числу которых эксперты консервативного толка относили активную деятельность православной церкви. Размышляя о перспективах решения национального и конфессионального вопросов в условиях соперничества христианства, мусульманства и язычества, публицист «Русского вестника» Б. М. Юзевич писал: «Вот почему, в виду стремящейся воспользоваться нашей слабостью и бездеятельностью магометанской пропаганды... расширяющей круг своего влияния и угрожающей распространить свой религиозно-нравственный авто-

² Омские епархиальные ведомости. Официальная часть № 1. 1898. С. 2.

ритет на всем протяжении нашего инородческого востока, поддержание христианской миссии путем деятельных мер к организации ее на прочных основаниях... должно входить в число главных задач государства, не только во имя отвлеченных принципов цивилизации, но и практических интересов его внутренней политики»³.

В этой связи Ф. Уманец отмечал, что стремления на восток и его завоевания недостаточно для выполнения исторической миссии России. Необходимо поддерживать результаты этого завоевания, что невозможно без поддержки *русских* (курсив мой. – М. Б.) переселенцев [12, с. 226–228]. Согласно логике автора, создание в России центров корейской, туркменской, хивинской (по сути – инородческих) цивилизаций являлось бы препятствием для поступательного развития сообществ, принадлежавших к европейско-христианскому миру [Там же, с. 228]. Ф. Уманец резюмировал: «Итак, именно для того, чтобы быть полезным человечеству вообще и инородцам в частности, мы должны позаботиться о том, чтобы русский человек, на всех своих вольных землях, занял прочное и влиятельное положение. Чтобы потребовать от него “много”, мы не можем дать ему “мало”» [Там же, с. 228].

В дискурсе консерваторов, требующих усиления влиятельности русского сегмента в России и на ее окраинах как фундамента религиозной политики, явно прослеживался мотив дискредитации колониционных возможностей иноконфессиональных групп. Причем внимание авторов сознательно акцентировалось на этнической и, как следствие, конфессиональной принадлежности субъектов колонизации и пагубном ее влиянии на русское население. Так, в редакционной заметке журнала «Русский вестник», в разделе «Из жизни и печати», корреспондент отмечал: «Немецкие колонисты, как сто лет тому назад, так и теперь, не обнаруживают ни малейшего желания стать русскими людьми, упорно сохраняют свои обычаи и народность и не только гонят из своих школ русских учителей, но и стараются прививать нашему народу протестантские вероучения»⁴.

Автор опубликованных в «Русском вестнике» фрагментов книги о состоянии немецких колоний на Волге А. Велицын пришел к весьма странному выводу: «При низком уровне умственного и нравственного развития большинства приволжских немцев, у всех без исключения колонистов чрезвычайно развито чувство национальности, и все они... враждебно и пренебрежительно относятся ко всему русскому... Везде в колониях бьет живой ключ немецкой национальности. И все они одинаково ревниво охраняют эту свою обособленность и самобытность»⁵.

В качестве альтернативного сценария национал-консерваторы предлагали не только руководствоваться лозунгом «Лишь та земля является русской, по которой прошел плуг ее пахаря», но и двигаться путем дальнейшего рас-

³ Юзефович Б. М. Христианство, магометанство и язычество в восточных губерниях России // Русский вестник. 1883. Март. Т. 164. С. 64.

⁴ Из жизни и печати // Русский вестник. 1893. Т. 225. Март. С. 363.

⁵ Велицын А. Немцы на Волге // Русский вестник. 1893. Т. 225. 11 апр. С. 174–175.

ширения переселенческого дела, отказа от практик частного патроната миграций, считая их продуктом подражания Западу, эскалации сотрудничества государства и православной церкви, что позволит «...воздвигать храмы, строить школьные здания, больницы... оказывать помощь немощным и страждующим...»⁶. В данном отношении публицисты консервативного толка обращали внимание на «сильное охлаждение к религии... и большой упадок нравственности в российском обществе...»⁷, что наиболее рельефно воспроизводилось на отдаленных окраинах империи, в том числе Западной Сибири и Степном крае. Так, о религиозной индифферентности сибиряков и попадавших под их влияние переселенцев из Европейской России писали во второй половине XIX в. известные эксперты, такие как В. П. Семенов-Тянь-Шанский и др. [10] По заключению М. К. Чуркина, старожилы первого и последующего поколений попадали под мощное воздействие адептов старообрядчества и представителей религиозных сект неправославного толка, естественным образом втягиваясь в конфликт с переселенческой массой, что проявилось в регулярных конфликтах переселенцев и старожилов на религиозной почве в период активизации миграционного процесса конца XIX – начала XX в. [14, с. 287–290].

В целом в дискурсе национал-консерваторов религиозная политика империи на «восточных окраинах» обсуждалась в общем контексте идей огосударствления территорий, входивших в орбиту геополитических интересов России, центральным звеном которых являлся принцип признания осваиваемых государством пространств как «своих», «русских», что закрепляло преимущество русской и, как следствие, православной народности.

Противоположный взгляд на содержание, формы и методы религиозной политики в регионах Сибири и Степного края начали конструироваться в 1850–1860-х гг. в дискурсе областничества, представители которого – выходцы из сибирской интеллигенции – сформулировали основы либеральной программы решения религиозного вопроса в условиях государственной колонизации отдаленного и отдельного региона. По свидетельству Г. Н. Потанина, «столичная журналистика в лице Г. Г. Пейзина и И. Н. Березина указала им на два сибирских вопроса, которые им предстояло разрабатывать: вопрос о ссылке, и вопрос о колониальной политике» [9, с. 13]. Заметим, что именно тема Сибири как колонии Российской империи стала общим форматом, в рамках которого обсуждались наиболее острые темы взаимоотношений центра и восточных окраин, в том числе политики населения, в которой религиозная принадлежность субъектов колонизации занимала не последнее место.

Импульсом к оформлению либерального дискурса стало знаменитое выступление барона Е. К. Мейендорфа на заседании Русского Императорского географического общества в 1861 г., в котором были озвучены аргументы против предоставления возможностей сибирскому обществу развиваться в умственном и материальном отношении, что, по мнению докладчика, неизбежно привело бы к росту сепаратистских настроений и желанию отделения от России [Там же, с. 16].

⁶ Из жизни и печати // Русский вестник. 1891. Т. 214. Июнь. С. 328–329.

⁷ Волжский Н. Об улучшении быта духовенства // Русский вестник. 1893. Т. 48. Декабрь. С. 503.

В результате ожесточенных дискуссий постепенно вырабатывалась политическая программа сибирского областничества, одно из заметных мест в которой занимал «инородческий вопрос». Лидеры сибирского областничества свое отношение к проблеме индигенных народов Западной Сибири и Степного края сформулировали на основании серьезных полевых исследований и богатого экспедиционного опыта, приобретенного в качестве экспертной работы. Так, Н. М. Ядринцев в 1878–1880 гг. был командирован в Алтайский горный округ в качестве исследователя по поручению ЗСО ИРГО в Омске [17, с. 5]. Г. Н. Потанин еще до ареста по делу сибирских сепаратистов, в 1864 г., был прикомандирован к Томскому губернскому совету по крестьянским и инородческим делам, публикуя свои соображения в неофициальном разделе газеты «Томские губернские ведомости» [8, с. 11].

Подчеркнем, что «инородческий вопрос» в дискурсе сибирского либерализма был тесно связан с представлениями его адептов о религиозной политике на окраинах и рассматривался в контексте осмысления взаимоотношений коренных народов Сибири и Степного края с русскими переселенцами. По предположению Н. М. Ядринцева, культурное влияние русского элемента должно было бы обнаружиться в Сибири при сношениях с инородцами, однако при низком уровне умственного развития русское население оказалось менее стойко, чем можно было ожидать, и само отступило от культуры и подверглось инородческому влиянию [17, с. 173–174]. Ссылаясь на исторические акты, Н. М. Ядринцев указывал, что это влияние во многом было подготовлено продолжительным процессом метисации русского населения в Зауралье [Там же, с. 175], что не могло не оказывать воздействия на образ жизни и духовные стереотипы поведения русского народа в колонизируемом регионе. По мнению ученого, влияние русской народности на коренное население не могло пройти бесследно, но точно так же произошло и обратное действие: русские сами восприняли многое от инородцев [Там же, с. 196].

Сибирские либералы, таким образом, категорически не принимая тезис «охранителей» о восточных окраинах как России, «перешагнувшей за Урал», настоятельно писали о необходимости признания колониального статуса Сибири и Степного края, что открыло бы перспективы для государственной и общественной культурно-просветительской деятельности в регионе, в том числе и в сфере религиозной политики, напоминая, что «при распространении религий, кроме факта восприятия, весьма важно знать, насколько усвоена религия, понята, и поддерживается ли религиозным воспитанием и примером культурной расы» [17, с. 230].

Важным элементом либерального дискурса в аспекте религиозной политики являлся вопрос, связанный с учетом интересов всех групп населения в колонизации, включая представителей иноэтничных и иноконфессиональных сообществ. Наиболее предметно представители либерального лагеря выражали особый взгляд на нужды и самопредставления иноэтничных мигрантов в статьях, заметках и программных документах, посвященных переселенческому вопросу. Так, анонимный автор статьи «Сибирские вопросы и ре-

формы», опубликованной в 1882 г. на страницах газеты «Восточное обозрение», настоятельно требовал признать Сибирь колонией, что, по его мнению, привлечет общественное внимание к окраине в не меньшей степени, чем к Кавказу или Русскому Северу⁸.

Авторы либерального толка, конструируя на страницах газеты «Утренняя звезда» образ иноэтничных мигрантов, акцентировали внимание на их колонизационном потенциале: «Люди, примыкавшие к движениям, в основу которых было положено евангельское учение, в конце концов, незаметно для себя приходили к поднятию их экономического благосостояния. Они искали Царство Божие, а богатство человеческое им приложилось» [13, с. 110].

Подводя общий итог, отметим, что разработка принципов и практик реализации религиозной политики на восточных окраинах Российской империи сопровождалась формированием и эволюцией общественно-политического дискурса, в котором репрезентировалась сложная гамма социальных, политических и культурных представлений о перспективах систематического и институционального влияния православия и церкви на различные категории населения колонизируемых территорий, а также подходах и методах имперской власти к решению религиозного вопроса в обстоятельствах конфессиональной мозаичности восточных окраин. В этом дискурсе наиболее отчетливо оказались сформулированы идеи российских национал-консерваторов, последовательно отстаивавших концепт создания «большой русской нации» за Уралом, осуществления русификации населения под эгидой государства и Русской православной церкви. Альтернативная позиция была представлена в дискурсе сибирских либералов, настаивавших на колониальном статусе региона и требовавших максимального учета этнической, конфессиональной и культурной специфики сибирских территорий, вошедших в круг административного влияния Российской империи.

Список литературы

1. *Вульпиус Р.* Вестернизация России и формирование Российской цивилизаторской миссии в XVIII веке // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)* : сб. ст. / ред.: М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М. : НЛЮ, 2010. С. 14–42.
2. *Дамешек Л. М., Дамешек И. Л.* Сибирские съезды православного духовенства о путях насаждения «русскости» среди коренного населения // *Современное историческое сибиреведение XVIII – начала XX в.* Вып. 5 : сб. науч. тр. / под ред. Ю. М. Гончарова, В. Н. Шайдунова. СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2021. С. 154–169.
3. *Дашковский П. К., Шершинева Е. А.* Религиозная политика Российской империи в отношении мусульманских общин Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // *Мировоззрение населения южной Сибири и центральной Азии в исторической ретроспективе.* Вып. 8. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 242–264.
4. *Катков М. Н.* Идеология охранительства. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2009. 800 с.
5. *Кулиев Ф. М.* Основные изменения в конфессиональном законодательстве Российской империи во второй половине XIX – начале XX века // *Теория и практика общественного развития.* 2011. № 6. С. 231–234.
6. *Лысенко Ю. А.* Ежегодные отчеты Омских и Оренбургских архиереев Синоду как источник по истории православия в Степном крае Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Известия Алтайского государственного университета.* 2020. № 3 (113). С. 76–83.

⁸ Сибирские вопросы и реформы // *Восточное обозрение.* 1882. № 1. С. 11.

7. Недзельюк Т. Г. Формирование конфессионального сообщества католиков Сибири в 1830–1917 гг. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 2 (25). С. 107–114.
8. Потанин Г. Н. Исследования и материалы. Алматы : Дайк-пресс, 2006. 600 с.
9. Потанин Г. Н. Областная тенденция в Сибири Томск : Паров. типо-литография Сиб. т-ва печат. дела, 1907. 64 с.
10. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. СПб. : Изд-во А. Ф. Девриена, 1907. Т. 16. 591 с.
11. Тольц В. «Собственный восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднимперский период. М. : Новое лит. обозрение, 2013. 336 с.
12. Уманец Ф. М. Колонизация свободных земель России. СПб., 1884. 243 с.
13. Чуркин М. К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск : Омский пед. ун-т, 2006. 375 с.
14. Чуркин М. К. Переселенцы и старожилы Западной Сибири: природно-географические, социально-психологические, этнопсихологические аспекты взаимоотношений в конце XIX – начале XX в. Омск : Омский пед. ун-т, 2001. 116 с.
15. Эткин Д., Уффельман Д., Кукулин И. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России : сб. ст. / под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М. : Нов. лит. обозрение, 2012. С. 6–53.
16. Эткин А. М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М. : Нов. лит. обозрение, 2013. 448 с.
17. Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 2000. 336 с.

References

1. Vulpius R. *Vesternizaciya Rossii i formirovanie Rossijskoj civilizatorskoj missii v XVIII veke* [Westernization of Russia and the formation of the Russian civilizing mission in the 18th century]. *Imperium inter pares: Rol transferov v istorii Rossijskoj imperii (1700-1917): Sb. st.* Eds. Martin Aust, Rikarda Vulpius, Aleksej Miller. Moscow, NLO Publ., 2010, pp. 14-42. (in Russian)
2. Dameshek L.M., Dameshek I.L. Sibirskie s"ezdy pravoslavnogo duhovenstva o putyah nasazhdeniya "russkosti" sredi korenного naseleniya [Siberian congresses of Orthodox clergy on the ways of implanting "Russianness" among the indigenous population]. *Covremennoe istoricheskoe ciberedenie XVIII – nachala XX v. Vol. V.: Sbornik nauchnyh trudov.* Eds. YU. M. Goncharova, V.N. Shajdurova. St. Petersburg, LGU named A.S. Pushkin Publ., 2021, pp. 154-169. (in Russian)
3. Dashkovskij P.K., Shershnyova E.A. Religioznaya politika Rossijskoj imperii v otnoshenii musulmanskih obshchin Zapadnoj Sibiri vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [Religious policy of the Russian Empire in relation to the muslim communities of Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th century]. *Mirovozzrenie naseleniya yuzhnoj Sibiri i centralnoj Azii v istoricheskoy retrospektive. Vol. 8.* Barnaul, Alt. Univ. Publ., 2015, pp. 242-264. (in Russian)
4. Katkov M.N. *Ideologiya ohranitelstva* [The ideology of protection]. Moscow, Institut russkoj civilizacii Publ., 2009, 800 p. (in Russian)
5. Kuliev F.M. Osnovnye izmeneniya v konfessionalnom zakonodatelstve Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka [Major changes in the confessional legislation of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th century]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2011, no. 6, pp. 231-234. (in Russian)
6. Lysenko Y.A. Ezhegodnye otchyoty Omskih i Orenburgskih arhierееv Sinodu kak istochnik po istorii pravoslaviya v Stepnom krae Rossijskoj imperii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Annual reports of the Omsk and Orenburg bishops to the Synod as a source on the history of Orthodoxy in the Steppe Territory of the Russian Empire (second half of the 19th – early 20th century)]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, no. 3 (113), pp. 76-83. (in Russian)
7. Nedzelyuk T.G. Formirovanie konfessionalnogo soobshchestva katolikov Sibiri v1830–1917 gg. [Formation of the confessional community of Catholics in Siberia in 1830–1917]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 2014, no. 2 (25), pp. 107-114. (in Russian)

8. Potanin G.N. *Issledovaniya i materialy* [Research and materials]. Almaty, Dajk-press Publ., 2006, 600 p. (in Russian)
9. Potanin G.N. *Oblastnicheskaya tendenciya v Sibiri* [Regional trend in Siberia]. Tomsk, Parovaya tipo-litografiya Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela Publ., 1907, 64 p. (in Russian)
10. *Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisaniye nashego Otechestva. Nastolnaya i dorozhnaya kniga dlya russkih lyudej* [Russia. Complete geographical description of our Fatherland. Handbook and road book for Russian people]. St. Petersburg, A. F. Devrien Publ., 1907, vol. 16, 591 p. (in Russian)
11. Tolc V. “*Sobstvennyj vostok Rossii*”: *Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneim-perskij period* [“Russia's Own East”: Identity Politics and Oriental Studies in the Late Imperial Period]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013, 336 p. (in Russian)
12. Umanec F.M. *Kolonizaciya svobodnyh zemel Rossii* [Colonization of the free lands of Russia]. St. Petersburg Publ., 1884, 243 p. (in Russian)
13. Churkin M.K. *Pereselency i starozhily Zapadnoj Sibiri: prirodno-geograficheskie, socialno-psihologicheskie, etnopsihologicheskie aspekty vzaimootnoshenij v konce XIX – nachale XX vv.* [Migrants and old-timers of Western Siberia: natural-geographical, socio-psychological, ethnopsychological aspects of relationships in the late 19th – early 20th centuries.]. Omsk, Omsk Ped. Univ. Publ., 2001, 116 p. (in Russian)
14. Churkin M.K. *Pereseleniya krest'yan chernozemnogo centra Evropejskoj Rossii v Zapadnuyu Sibir vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.: determiniruyushchie faktory migracionnoj mobilnosti i adaptacii* [Resettlement of peasants from the chernozem center of European Russia to Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries: determinants of migration mobility and adaptation]. Omsk, Omsk Ped. Univ. Publ., 2006, 375 p. (in Russian)
15. Etkind A., Uffel'man D., Kukulin I. *Vnutrennyaya kolonizaciya Rossii: mezhdru praktikoj i vobrazheniem* [Internal colonization of Russia: between practice and imaginatio]. *Tam, vnutri. Praktiki vnutrennej kolonizacii v kulturnoj istorii Rossii*. Eds. A. Etkinda, D. Uffel'manna, I. Kukulina. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012, pp. 6-53. (in Russian)
16. Etkind A.M. *Vnutrennyaya kolonizaciya. Imperskij opyt Rossii* [Internal colonization. Russia's imperial experience]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. 448 p. (in Russian)
17. Yadrincev N.M. *Sibirskie inorodcy, ih byt i sovremennoe polozhenie* [Siberian foreigners, their way of life and current situation]. Tyumen, Y. Mandriki Publ., 2000, 336 p. (in Russian)

Сведения об авторе

Балин Максим Анатольевич
 (Епископ Магнитогорский и
 Верхнеуральский Зосима)
 соискатель, кафедра отечественной
 истории
 Омский государственный педагогический
 университет
 Россия, 644099, г. Омск, набережная
 им. Тухачевского, 14
 e-mail: balinma2021maxim@yandex.ru

Information about the author

Balin Maxim Anatolyevich
 (Bishop Zosima of Magnitogorsk and
 Verkhneuralsk)
 Applicant, Department of Russian History
 Omsk State Pedagogical University
 14, embankment named Tukhacevskii, Omsk,
 644099, Russian Federation
 e-mail: balinma2021maxim@yandex.ru

Статья поступила в редакцию **26.10.2021**; одобрена после рецензирования **20.11.2021**; принята к публикации **26.08.2022**
 The article was submitted **October, 26, 2021**; approved after reviewing **November, 20, 2021**; accepted for publication **August, 26, 2022**